

УДК 821.161.1.09.+929Чарская

ЛИДИЯ ЧАРСКАЯ КАК ПИСАТЕЛЬНИЦА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Е. Н. Строганова

Тверской государственный университет
E-mail: enstrojanova@yandex.ru

Статья впервые обращена к малоизвестным произведениям популярной детской писательницы начала XX в. Лидии Чарской, предназначенным для взрослой аудитории. Показано, что она использовала одни и те же приемы в своих произведениях, независимо от их возрастной адресации, но как писательница для взрослых оказалась вполне заурядной.

Ключевые слова: массовая беллетристика, мелодраматизм, плакатность, литературные шаблоны, псевдоидеологичность.

Lidia Charskaya as a Writer for Adults

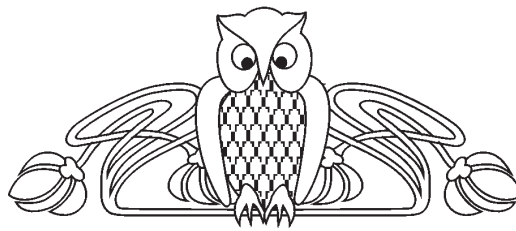
E. N. Stroganova

For the first time the article addresses little-known works of the popular children's writer of the early XX century Lidia Charskaya, that are intended for the audience of adults. It is indicated that the writer used the same methods in her compositions regardless of the readers' age. Nevertheless, she turned out to be a mediocre author for mature readers.

Key words: popular literature, melodramatics, poster quality, literary stereotypes, pseudo-ideological content.

DOI: 10.18500/1817-7115-2015-15-4-78-81

Лидия Алексеевна Воронова, получившая литературную известность под псевдонимом Чарская, в свое время была обожаема юными читателями, особенно девочками-подростками. Отношение же взрослых читателей и критиков к ее творчеству всегда оставалось неоднозначным. Апогеем отрицания Чарской стала разгромная статья К. Чуковского, где он провозгласил писательницу «гением пошлости»¹, однако популярность ее от этого не пострадала. Свое обаяние для читателей Чарская сохраняла и после 1917 г. В число идеологических мероприятий новой власти входила «чистка библиотек», из которых массово изымались книги. Многие авторы были устранены и из детских библиотек, ставших, по словам Е. Добренко, «первой жертвой нарождающейся советской педагогики»². И в начальных рядах этого списка значилась Л. Чарская³. Но существовали библиотеки домашние, поэтому вырастали новые поклонники ее творчества. Рассказывая о встрече детей с советскими писателями в 1931 г., Лев Кассиль упоминает «маленькую девочку лет тринадцати», заявившую им: «А всё-таки против Чарской не выдерживаете!..»⁴ Но поскольку книги Чарской не переиздавались и в общественном доступе их не было, имя ее со временем стало своего рода легендой. В наши дни культ Чарской как детской писательницы возрождается. Ее сочинения для детей и юношества востребованы читательской

аудиторией и широко тиражируются, хотя качество переизданий вызывает множество вопросов. О популярности писательницы свидетельствуют также интернет-сообщество почитателей ее творчества и подборки произведений на других электронных библиоресурсах.

Гораздо менее известна Чарская как автор для взрослых. Эта грань ее творчества читателями не обсуждается, не привлекает она и внимания исследователей, вплоть до того, что в одном из последних словарей Чарская представлена только как детская писательница⁵. Е. О. Путилова, автор работ о Чарской, много сделавшая для возвращения ее книг в читательский обиход, предположила, что книги писательницы для взрослых «были случайностью»⁶. Однако для репрезентации литературной личности любого автора важно учитывать все созданные им тексты, и Чарская в этом смысле не должна быть исключением.

Как писательница для взрослых Чарская начинала с небольших рассказов, объединенных темой женской любви, которые появились почти параллельно с ее книгами для детского чтения. В 1902 г. впервые отдельным изданием вышли «Записки гимназистки» (журнальная публикация – 1901 г.), а в 1903 г. наряду с новыми детскими произведениями был опубликован сборник «Проблемы любви: Рассказы о женском сердце». Действие рассказов происходит в среде помещиц, военной, актрисы, чиновничьей и разворачивается в деревенской глуши, воинском гарнизоне, пространстве дачи, итальянском экстерьере и т. д. Внешне разнообразны и героини рассказов: скромная провинциалка демократических убеждений («Во имя любви»), цирковая акробатка-японка («Бессмертие»), молодая вдова, рвущаяся между ребенком и любовником («Бобик»), ослепшая девушка, потерявшая жениха («Милочка»), жена офицера – солдатская заступница («Не ко двору») и др. Но в центре внимания Чарской, прежде всего, особенности проявления женского любовного чувства, которое вполне традиционно выражается в форме преданности, самозабвения, жертвенности. Эти стереотипы особенно отчетливо прочитываются в рассказе о японке-циркачке, где дана гендерная формула любовных отношений: героиня безраздельно предана своему возлюбленному, «отдает ему жизнь», он же видит в ней лишь «женщину-рабу, женщину-собственность». Восточный колорит рассказа легитимирует подобную утрировку, но в том или

ином виде подобная схема отношений сохраняется в тех случаях, когда носителем любовного чувства является женский персонаж. Характерен в этом смысле сюжет рассказа «Прощение»: страстно любящая и беззаветно верящая мужу героиня после его смерти узнает о том, что у супруга была искренне преданная ему возлюбленная. Писательница неизменно мелодраматизирует сюжеты своих рассказов, насыщая их ситуациями болезни, смерти, самоубийства. Такая манера была свойственна Чарской и как детской писательнице, о чем жестко, но во многом справедливо писал Чуковский.

В 1904 г. Чарская впервые выступила как романистка, и именно жанр романа становится основным в ее творчестве для взрослых: «Право сильного» (1904), «Мошкара» (1905), «Во власти золота» (1905), «К солнцу!» (1906), «Солнце встанет!» (1907), «Виновна, но... Роман мятежной души» (1913), «Ее величество любовь» (1915), «Чужой грех» (1916)⁷. Сюжетно-тематически действие романов связано с актуальными историческими реалиями (событиями прошлого посвящен исторический роман «Евфимия Старицкая», 1910). Произведения 1905–1907 гг. внешне обращены к жизни фабричных рабочих и их борьбе за свои права, но, по существу, это не более чем декорации, в которых разворачиваются любовные истории. Таков роман «Солнце встанет!»⁸, где положительные персонажи представлены как носители прогрессивных идей, но их озабоченность жизнью рабочих и соответствующие перипетии сюжета являются лишь фоном для изображения любовных томлений. Чарская пытается совместить гражданскую идейность с актуальным для литературы начала века интересом к проблеме пола, но делает это не слишком убедительно. Главная героиня романа добродетельная Лидия Горная воспитана теткой передовых убеждений и преисполнена сочувствия к народу. Она не только благожелательно относится к крестьян в своем имении, но не оставляет вниманием и рабочих соседней спичечной фабрики. Интрига романа задана бунтом на фабрике, непосредственное отношение к которому имеют два претендента на сердце Лидии. Владелец фабрики Сила Строганов «любит ее самоотверженно и покорно», к тому же наделен богатырской внешностью и героическим характером, от него веет «богатырским эпосом, старыми былинами, типами Ильи и Добрыни»⁹. Его антагонист, эгоистичный и коварный князь Гарин, работая на фабрике под именем машиниста Брауна, провоцирует волнения рабочих. Из предыстории выясняется, что князь, «любящий себя больше целого мира» (24), сыграл роковую роль в жизни героини, склонив ее к незаконной любви. Говорящие имена и портретные зарисовки персонажей подчеркивают их плакатную однозначность и банальность, а попытки психологического изображения внутреннего мира выглядят крайне аляповато. Живописуя благородных героев, писательница злоупотребляет экзальтацией, как,

например, в финале одной из страстных любовных сцен: «Князь не договорил. Новый оглушительный залп потряс весь дом до основания.

– Но там стреляют! – отчаянным голосом прошептала Лика, и ее глаза снова округлились от ужаса.

– Так что же... – начал было князь и не закончил.

Лика подскочила к окну, нервным, спешным движением отбросила тяжелую портьеру и, заглянув в окно, с громким стоном отступила в глубь комнаты, ломая руки...

– Это они! Они! Их убивают! – кричала она, как безумная, и, снова бросившись к окну, вскопчила на широкий подоконник <...>

– Ты видишь! Видишь! – шептала она, сверкая обезумевшими от ужаса зрачками. – наших бьют... Рабочих бьют... Пусти меня к ним! Я должна быть среди них... Я должна...» (151). Написанный с претензией на идейность роман был явно рассчитан на нетребовательных читателей, не придававших значения надуманности ситуаций и небрежности стиля.

В 1912 г. Чарская переработала текст романа. Исключив рабочую тему, она видоизменила сюжет: перевела благодеяния героини в русло попечения о бедных сиротках, устранила мотив любовного соперничества, редуцировала телесное начало, и, таким образом, получила повесть «для молодых девушек» «Особенная», где протагонистка оказывается уже не падшим ангелом, но ангелом во плоти. Тем самым писательница наглядно продемонстрировала марионеточность своих персонажей, которых можно было попросту переселять из текста в текст, слегка изменяя антураж.

В годы Первой мировой войны Чарская пишет роман «Ее величество любовь. Из современных событий» (1915). С таким же подзаголовком в том же году она выпустила сборник рассказов военно-патриотической тематики¹⁰. В центре романа дворянское семейство Бонч-Старнаковских, каждому из членов которого война открывает истинное его предназначение. Явно памятуя о романе «Война и мир», Чарская стремится показать, как перед лицом общей опасности отступают на второй план личные интересы, как происходит стирание сословных границ, как в драматических событиях национальной жизни выявляются характеры героев (даже имя Бонч-Старковских носит «толстовское» название Отрадное). Однако, оставаясь верна себе, писательница и в этом романе использует такие ранее апробированные приемы, как плакатность персонажей и избыточность мелодраматических ситуаций, к тому же перенасыщая текст патриотической риторикой. Одним из ведущих является мотив обездушенности немцев. Чарская гиперболизирует традиционную для русской литературы мысль о немецком прагматизме и расчетливости, наделяя своих персонажей-немцев еще и садистской жестокостью. Таковы сцены издевательств над застрелявшими за

границей русскими, которые после объявления войны оказались беззащитны перед произволом неприятеля. Источником для писательницы послужила книга А. С. Резанова «Исследования немецких зверств» (1914), где были изложены рассказы очевидцев событий¹¹. Приведенные в ней факты преломляются в сюжетной линии красавицы Китти, в свое время отвергнувшей притязания немца Штейнберга. Встретив героиню в начале войны, уже в качестве офицера немецкой армии он гнусно мстит ей. Чарская в подробностях рисует сцену насилия, создавая образ врага – изверга, запрограммированного на идею германского господства, знаком которого становится его власть над беззащитной героиней. Описания подобных зверств подкрепляются пространными рассуждениями, в том числе и монологами действующих лиц. Такова речь, которую произносит один из персонажей: «Да, бесспорно, враг силен. <...> Недаром готовилась столько лет Германия к этой войне. Там все предусмотрено, все рассчитано и расписано, как по нотам. Ведь вся Россия была покрыта сетью германского шпионажа еще задолго до войны. Враг не дремал. <...> Это – какие-то каменные люди. Дисциплина, доведенная до совершенства, заменяет пыл, энтузиазм любви к родине и братскую сплоченность, которыми славится наш народ. Но мы победим с Божьей помощью. <...> Наше войско горит, как один человек, одним общим порывом. Наша славянская общая душа, душа всего народа, всей армии, бурно протестует сейчас против тевтонского насилия, против немецкой наглости, против дерзости нации, возмнившей себя едва ли не единой и полновластной хозяйкой мира. И нельзя не победить с такими героями, с такими чудо-богатырями, которые, забыв все – и родные села, и работы, и безропотно покинув жен и детей, стариков и малюток, – встали все, как один человек, на защиту чести святого славянства. С такими орлами нельзя не победить»¹² и т. д.

Среди произведений Чарской, написанных между 1907 и 1914 г., особого внимания заслуживает роман «Виновна, но... Роман мятежной души», центральная героиня которого – писательница Лерская, чья фамилия созвучна псевдониму автора. Это дает основание полагать, что протагонистка в какой-то степени транслирует взгляды самой Чарской, недостаточно известные из других источников. Лерская – писательница идейная, эсэрка, редактор прогрессивного журнала «Светлый Вестник». Она рекомендуется как «фельетонистка, романистка и плохой поэт <...> в сущности же теплый парень»¹³. В ее портретной характеристике артикулированы изящество, нежность, хрупкость, которые предназначены оттенить внутреннюю силу, самостоятельность, оригинальность «теплого парня», показать «крупную духовно женщину» (159). Героиня заявляет о себе как о женщине эмансипированной и прогрессивной, горячо сочувствующей революционным идеям, о чем изъясняется следующим образом:

«Еще два-три года назад, когда движение не было раздавлено вполне тяжелой пятой реакцией, я мечтала умереть на баррикадах за идею и своим примером еще лишний раз подчеркнуть, что жизнь единиц – вздор в сравнении с общим достижением строевой цели» (32). Революция, по словам Лерской, принесла освобождение женщине: «...подняла женщин наравне с мужчинами <...> осытвила женщину, дала ей возможность вырваться из этого архаического института брачной тюрьмы, открыла перед нею широкое поле деятельности» (34). Произведение перегружено подобными умными разговорами, призванными подкрепить интеллектуальную репутацию героини.

В основе романа, однако, не идейные искания Лерской – «мятущейся души», а ее интимная жизнь как центральной фигуры любовного треугольника. С одной стороны его – жених протагонистки Евгений, с которым ее связывает платоническое чувство. С другой – неплатонический возлюбленный инженер Ключевский, и линия этих отношений спроецирована на популярный в начале века роман Кнута Гамсуна «Пан». Уже с первой встречи Лерская видит в Ключевском черты гамсуновского лейтенанта Глана (здесь он назван поручиком): «...такой же сильный телом, с белыми, крепкими, как у зверя, зубами, с этакой же шапкой волос на голове» (33). Автор поэтизирует внешнюю красоту и силу этого персонажа, в его характеристиках доминируют лексемы «звериный» и «хищный», которые не имеют негативных коннотаций, напротив, приобретают поэтически-возвышенный смысл. Любовные отношения персонажей Чарская оформляет гендерно традиционно, гипертрофируя телесную составляющую: он – «титан, властитель» (50), «такой сильный весь, такой мощный» (62), «красотой веет от его титанического образа», героиня же – «птичурка», которая ощущает себя «игрушкой в его руках» (158). Земной, природный, плотский характер отношений Лерской с инженером подчеркивается встречами в лесу, где «застаю их жгучие захваты счастья» (61). В подражание Гамсуну Чарская стремится воспевать природу, но явно злоупотребляет разного рода красотами: «Из-за группы деревьев вынырнуло солнце, алое, как кровь, гордое и спокойное в своем величии. Оно брызнуло букетом искр, и золотой дождь посыпался на мирную, алую гладь залива. Заиграли солнечные всплески, как золотые рыбки в воде, и земля точно вся приподнялась, потянулась к нему, исступленно, празднично ликуя» (37). Сюжет романа, как обычно у Чарской, насыщен мелодраматическими ситуациями: смертельная болезнь героини, спасенной заботами Евгения; самоубийство жениха, нечаянно узнавшего о ее отношениях с Ключевским, и т. п.

Произведения для взрослых Чарская писала в те же годы, что книги для детского и юношеского чтения, и различия между ними обусловлены адресацией, которая определяет тему, пафос, систему образов, сюжет, мотивы. Во взрослых произведениях главное место уделено любовной

тематике. Интерес писательницы сосредоточен на изображении внешних подробностей любовных отношений, которые имеют крайне примитивное психологическое наполнение. В духе общего движения литературы начала XX в. она отходит от ранее принятых табу и эротизирует тексты, вплоть до изображения сцен развращения девочки-подростка любовником ее матери («Вакханка»).

Творчество Чарской справедливо рассматривается как явление массовой литературы. Однако пишущие об этом авторы допускают грубую подмену, соединяя в одном парадигматическом ряду произведения А. А. Вербицкой, А. П. Каменского, Е. А. Нагродской и книги Чарской для юношеского чтения¹⁴. Дело в том, что «детская литература является массовой литературой по определению»¹⁵ и другой быть не может. Поэтому рядом с романами Вербицкой и других ее современников надо рассматривать, разумеется, «взрослые» произведения Чарской, которые были вполне типичны для массовой литературы. Ее романам свойственна предсказуемость сюжетных поворотов и развязок, рассчитанная на активизацию читательского участия. Как автор массовых произведений Чарская эксплуатирует апробированные литературные образцы (Гамсун, Толстой, эротический роман и т. д.). В художественной палитре своих взрослых сочинений, так же как и произведений для детей, она использует шаблонные приемы: мелодраматизм, переизбыток «красивостей», обилие эффектных сцен, надуманность положений и ситуаций. Но если в детских текстах все это искупается искренностью интонаций и авторской увлеченностью, то в текстах для взрослых выглядит аляповато и безвкусно.

Произведения Чарской для взрослых, разумеется, не были «случайными», они создавались на потребу читателя и отвечали запросам времени. Писательница не гнушалась дидактикой и в зависимости от исторической ситуации обильно использовала риторические пассажи – феминистского, прогрессистского или патриотического толка. Однако все это лишь создавало видимость серьезной проблематики. Взрослому читателю сказать ей было явно нечего.

Примечания

- 1 Чуковский К. Лидия Чарская // Чуковский К. И. Собр. соч. : в 6 т. М., 1969. Т. 6. С. 158.
- 2 Добренко Е. Формовка советского читателя : Социальные и эстетические предпосылки рецепции советской литературы. СПб., 1997. С. 176.
- 3 «Ю. М. Лотман вспоминал, что в его ленинградской школе, где он учился в 1930-е гг., висел лозунг “Долой Чарскую!”» (благодарю А. Ф. Белоусова за это сообщение).
- 4 Белоусов А. Записки институтки // «Точка, распространяющаяся на все...» : К 90-летию проф. Ю. Н. Чумакова : сб. науч. тр. Новосибирск, 2012. С. 431.
- 5 См.: Русские писатели 20 века : Биографический словарь / гл. ред. и сост. П. А. Николаев. М., 2000. С. 739–740 (автор статьи И. И. Казакова).
- 6 Путилова Е. Чарская // Русская литература XX века. Прозаики. Поэты. Драматурги : биобибл. словарь : в 3 т. / под ред. Н. Н. Скатова. М., 2005. Т. 3. С. 631.
- 7 Роман «Вакханка» в прижизненных библиографиях и библиотечных каталогах пока нами не обнаружен. В 1990–2000-х гг. вышел тремя изданиями: Тридцать три уroda. Сборник повестей. М., 1994 ; В поисках ощущений : антология. М., 2002 ; Новая Лолита : сб. М., 2006. Возможно, были и другие романы, но в современных библиографиях творчество Чарской представлено неполно, и требуются специальные разыскания.
- 8 Роман «Солнце встанет!» – вторая часть романной дилогии, первая часть которой носит название «К солнцу!», 1906 (годом ранее появились путевые очерки М. В. Крестовской с аналогичным названием: *Крестовская М. К солнцу!* (путевые наброски) ; Тени (Из дневника). М., 1905).
- 9 Чарская Л. Солнце встанет! СПб., 1907. С. 41. Далее цитаты в тексте приводятся по данному изданию с указанием страниц в скобках.
- 10 См.: Чарская Л. Свои, не бойтесь! и другие рассказы из современных событий. Пг., 1915.
- 11 В современной историографии отношение к этой книге неоднозначно. В работах религиозно-патриотического плана сведения, приведенные Резановым, рассматриваются как объективный источник (См.: Платонов О. История русского народа в XX веке. Т. 1. Гл. 37. URL: http://rus-sky.com/history/library/plat4-1/xx_152.html (дата обращения: 23.09.2013) ; Пронин А. [Предисловие к публ.: Резанов А. «Немецкая армия... может конкурировать с воинами каннибалов»] // Военно-исторический журнал. 1998. № 3. С. 21–23). В других исследованиях высказываются сомнения в безусловной достоверности приведенных фактов или же документально подтверждается, что доходившим до бесчинств патриотическим угаром было охвачено и население России (См.: Пахалюк К. К вопросу о немецких зверствах : Русские туристы в Германии в августе 1914 года. URL: http://actualhistory.ru/russian_tourists_1914 (дата обращения: 23.09.2013) ; Архипов Игорь. Патриотизм в период кризиса 1914–1917 годов. URL: <http://magazines.russ.ru/zvezda/2009/9/ar11.html> (дата обращения: 23.09.2013)).
- 12 Чарская Л. Ее величество любовь. URL: http://az.lib.ru/c/charskaja_l_a/text_0550.shtml (дата обращения: 23.09.2013).
- 13 Чарская Л. Виновна, но... Роман мятежной души. СПб., [1913]. С. 30. Далее цитаты в тексте приводятся по этому изданию с указанием страниц в скобках.
- 14 См.: Агафонова Н. Проза А. Вербицкой и Л. Чарской как явление массовой литературы : дис. ... канд. филол. наук. Иваново, 2005 ; Евстафьева А. Творческая судьба Л. А. Чарской в контексте массовой литературы // Филологические записки : материалы Герценовских чтений : сб. ст. / ред.-сост. А. М. Новожилова ; Рос. гос. пед. ун-т им. А. И. Герцена. СПб., 2005.
- 15 Добренко Е. Указ. соч. С. 176.